

DOI: 10.31857/S032103910002905-8

СКИФСКИЙ ПОХОД ДАРИЯ I И ДРЕВНЕПЕРСИДСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ФАНАГОРИИ

Э. В. Рунг¹, О. Л. Габелко²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹E-mail: Eduard_Rung@mail.ru ²E-mail: gabelko@mail.ru

В статье предлагается новая трактовка фрагмента древнеперсидской надписи, обнаруженной при раскопках Фанагории в 2016 г. Издатели документа В.Д. Кузнецов и А.Б. Никитин посчитали его автором Ксеркса, а появление камня в Фанагории связали с гипотетическим походом этого царя против греческих полисов Боспора Киммерийского, будто бы осуществленным накануне вторжения в Балканскую Грецию. Между тем, остатки текста в стк. 1 и 2 надписи позволяют с гораздо большими основаниями атрибутировать надпись Дарию I и отнести ее изготовление к событиям его похода против скифов (ок. 513–512 г. до н.э.). Сообщения Геродота (IV. 87), Ктесия Книдского (*FGrHist* 688 F 13. 21) и Дионисия Византийского (52) единодушно свидетельствуют о воздвижении по приказу Дария перед началом кампании в непосредственной близости от моста через Боспор Фракийский ряда монументальных сооружений, в том числе стелы с клинописным текстом. При слухах о поражении царя в Европе жители Византии и Калхедона разрушили эти памятники, и фрагмент надписи Дария мог быть доставлен в Фанагорию кем-то из жителей в качестве своеобразного трофея, поскольку этот полис был основан теми гражданами малоазийского Теоса, которые бежали от угрозы порабощения персами в 546 г. до н.э. (Hdt. I. 168; Strab. XIV. 1. 30) и имели основания ненавидеть Великого царя даже десятилетия спустя. Отнюдь не исключено, впрочем, и появление этого камня на Боспоре Киммерийском в качестве привезенного на корабле балласта.

Данные об авторах. Эдуард Валерьевич Рунг — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета; Олег Леонидович Габелко — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Авторы выражают глубокую признательность К. Таплину (Ливерпуль) за помощь в интерпретации древнеперсидского текста, а также М.А. Алонцеву, А.С. Балахванцеву, Т.П. Кишбали (Москва), В. Кожокару, И.К. Нику (Яссы) и А.А. Синицыну (Санкт-Петербург), щедро снабдивших их необходимой библиографией. Разумеется, названные коллеги не несут ответственности за все возможные ошибки и спорные выводы.

Ключевые слова: Фанагория, древнеперсидская надпись, Дарий I, скифский поход, Боспор Фракийский, Византий, Калхедон

THE SCYTHIAN EXPEDITION OF DARIUS I AND THE OLD-PERSIAN INSCRIPTION FROM PHANAGOREIA

Eduard V. Rung¹, Oleg L. Gabelko²

¹*Kazan Federal University, Kazan, Russia*

²*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

¹*E-mail:* Eduard_Rung@mail.ru ²*E-mail:* gabelko@mail.ru

The article presents a new interpretation of the fragment of Old-Persian inscription discovered at Phanagoreia in the 2016 excavation season. First editors of the document, V.D. Kuznetsov and A.B. Nikitin, concluded that the author of the text could be identified with Xerxes, and connected the appearance of the stone in Phanagoreia with a hypothetic military expedition of that king against the Greek *poleis* of Cimmerian Bosphorus, which they dated before his invasion of mainland Greece. However, the remains of the text in lines 1 and 2 allow to attribute the inscription to Darius I and to connect its creation with the events of that king's Scythian campaign (ca 513–512 BC). Herodotus (IV. 87), Ctesias of Cnidus (*FGrHist* 688 F 13. 21) and Dionysius of Byzantium (52) provide clear evidence of the erection by Darius' order in immediate proximity to the bridge over the Thracian Bosphorus of a symbolically significant complex of monumental constructions, including a cuneiform inscription. Following the rumour of the king's defeat in Europe the citizens of Byzantium and Chalcedon destroyed those monuments with the purpose of proclaiming their own liberation from the Persian control and triumphing over the *hybris* that Darius had shown. The fragments of Darius' inscription could be brought to Phanagoreia as a kind of a trophy, that had political relevance because of the foundation of this *polis* by the citizens of Teos in Asia Minor, who fled from the menace of enslavement by the Persians in 546 BC (Hdt. I. 168; Strab. XIV. 1. 30) and had the reasons to hate the Great King later. It is equally possible, however, that the stone was transported to the Cimmerian Bosphorus merely as ship's ballast.

Keywords: Phanagoreia, Old-Persian inscription, Darius I, Scythian campaign, Thracian Bosphorus, Byzantium, Chalcedon

*Светлой памяти М.А. Дандамаева (1928–2017),
выдающегося исследователя державы Ахеменидов,
посвящается*

Открытие уникального артефакта мирового уровня, каким, без сомнения, является обнаруженный при раскопках Фанагории в 2016 г. фрагмент древнеперсидской надписи¹, естественным образом придает мощный импульс научному поиску, стимулируя выдвижение новых гипотез. В данной статье мы хотели бы предложить свой взгляд на этот памятник и его возможный исторический контекст, значительно отличающийся от того, который предложили издатели надписи.

¹ См. публикацию (Kuznetsov, Nikitin 2018) и историческую интерпретацию (Kuznetsov 2018).

Обратимся прежде всего непосредственно к персидскому тексту надписи и к возможным вариантам его восстановления, прочтения и трактовки. Согласно сообщению В.Д. Кузнецова и А.Б. Никитина, от камня сохранился относительно небольшой мраморный фрагмент, который имеет размеры $41,2 \times 35,9 \times 11,8$ – $14,8$ см. Текст надписи выбит по линейкам, расстояние между которыми равно $6,0$ – $6,2$ см. Высота знаков колеблется от $5,0$ до $5,5$ см, глубина — до $1,2$ см². Расстояние между линейками и высота знаков делают данную надпись сопоставимой с монументальными надписями царей династии Ахеменидов³, однако выполнена она была на отдельной стеле и потому не имеет точного аналога во всем корпусе древнеперсидских текстов⁴. Сам характер текста надписи может предполагать ее значительные размеры⁵ и указывать на то, что надпись предназначалась если и не для всеобщего обозрения издали⁶, то по крайней мере должна была выполнять роль пропагандистского текста, поражающего своей величиной. Более того, учитывая особенности некоторых сохранившихся древнеперсидских надписей, выполненных на отдельных каменных плитах, можно предположить, что сама стела по исполнению имела больше общего именно с древнегреческими эпиграфическими памятниками, чем с древнеперсидскими⁷.

² Kuznetsov, Nikitin 2018, 154–155.

³ Для примера, в древнеперсидских столбах знаменитой Бехистунской надписи, по описанию Р. Шмитта, расстояние между линейками и высота знаков заметно меньше — $3,8$ см и $2,8$ см соответственно (Schmitt 1991, 18).

⁴ М.П. Канепа в своем обзоре древнеперсидской эпиграфической практики делает ряд важных наблюдений: «Многие надписи в древнем Иране имели значение только как графические, а не текстуральные символы, особенно те, которые помещались высоко на скалах или украшавшие почти недоступные архитектурные сооружения во дворцах»; «ахеменидские надписи появляются главным образом в двух контекстах: как монументальные рельефы, высеченные на отвесах скалы, часто в непосредственной близости от рельефных скульптур, или будучи включены в архитектурное оформление дворцов, вблизи от рельефных декораций» (Canepa 2015, 12, 14).

⁵ Сошлемся на мнение издателей надписи: «Принимая во внимание толщину мраморной плиты и довольно большие размеры клинописных знаков, можно полагать, что стела имела не менее 2 м в высоту и не менее 1 м в ширину» (Kuznetsov, Nikitin 2018, 158). Трудно сказать, на каком основании сделан этот вывод, если ориентироваться в качестве примера на еще меньший размер знаков в Бехистунской надписи; тем не менее самый значительный древнеперсидский текст ее имеет высоту $3,96$ м и ширину $1,90$ – $1,95$ м (Schmitt 1991, 17).

⁶ Так, например, Бехистунская надпись, расположенная на скале на высоте $61,8$ м, была совершенно нечитаема с поверхности земли — собственно, и не будучи для этого предназначена (Schmitt 1991, 18; Canepa 2015, 16), однако в случае с установкой отдельно стоящей стелы могло быть по-другому.

⁷ В качестве сравнения отметим, что надписи, помещенные на плиты, сопоставимые с величиной фрагмента из Фанагории, содержали знаки более скромных размеров и были выполнены иначе. Так, например, квадратные плиты из серого мрамора из дворца Дария I в Сузах имели размер $33,6 \times 33,6 \times 8,7$ см и содержали надписи (DSz, DSaa — отдельно на каждой плите на эламском и аккадском), выполненные на лицевой, оборотной и четырех боковых сторонах (Vallat 1971, 54; Pl. III–IV). Плиты же Ксеркса из Персепполя, изготовленные из известняка, были слегка выпуклой квадратной формы и обработаны со всех сторон; надписи помещались на лицевой и оборотной стороне и на двух боковых

В надписи сохранилось шесть строк, которые не имеют ни начала, ни конца. Некоторые знаки восстановлены по сохранившимся следам.

Древнеперсидский текст:

...𐎧𐎠𐎧𐎠...
 ...𐎧(?)𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧...
 ...𐎧(?)𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧...
 ...𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧...
 ...𐎧(?)𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧(?)...
 ...𐎧𐎠𐎧𐎠𐎧...

Транслитерация:

-v^a-h^a-
 -u(?)š^a | x^a-š^a-
 -a(?)-v^a-m^a | a-
 -y^a-m^a | a-
 -d^a(?)m^a | a-k^u(?)-
 | m^a-r^a-t^a-

Согласно издателям надписи, в первой строке упоминается имя царя Дария (I) в род. падеже: *Dārayavahauš*⁸. Такое прочтение возможно, принимая во внимание транслитерацию данного слова как d^a-a-r^a-y^a-v^a-h^a-u-š^a. Принимая во внимание древнеперсидские надписи, где упоминается имя Дария в род. п⁹., можно отметить сомнительность заключения, которое делают на основании данного прочтения первой строки издатели текста: «Сохранившаяся часть имени царя Дария в род. падеже, а также археологический контекст находки позволяют датировать надпись временем правления его сына, Ксеркса (486—465 гг. до н.э.)»¹⁰. Об археологическом контексте речь пойдет далее, здесь же заметим, что имя Дария в род. п. нередко встречается в надписях как сына Дария I Ксеркса, так и самого Дария¹¹ (и даже в одном документе Артаксеркса I при обращении к царской генеалогии). Таким образом, первая строка текста отнюдь не исключает того, что надпись может принадлежать именно Дарию¹². И все же наиболее информативной для определения имени царя оказывается вторая строка. В ней Кузнецов и Никитин

сторонах. Размеры варьировались от 50 × 50 × 10 см (XPf; XPh) до 53 × 53 × 10 см (XPI) (Schmitt 2000, 81, 88, 99). Поскольку эти надписи в основном были обнаружены в пределах царского дворца, то они едва ли были адресованы широкой аудитории, да и сам их размер не предполагает этого.

⁸ Kuznetsov, Nikitin 2018, 157.

⁹ Встречается неоднократно в корпусе древнеперсидских надписей: DPc; DPd, 10; DPi; DNd; DZc, 3; XPb, 19; XPc, 14; XPd, 13; XPe, 3; XPf, 17, 25; XPh, 11; XPj; XPk; XSc; XE, 19; AIPa, 16.

¹⁰ Kuznetsov, Nikitin 2018, 158.

¹¹ Встречаются, например, следующие выражения в надписях, которые принадлежат именно царю Дарию I: *Dārayavahauš XSHyā viithiyā* (DPc; DPi: «в доме Дария царя»); *Dārayavahauš XSHyā xšačam* (DZc, 3: «Дария царя царство»); *vačabara Dārayavahauš xšāyathiyaḡyā* (DNd: «лучник Дария царя» — об Аспафине); *vašnā Auramazdāhā manacā Dārayavahauš xšāyathiyaḡyā* (DPd, 9—11: «милостью Ахурамазды и меня Дария царя...»).

¹² Конечно, не могут быть полностью отброшены и другие варианты прочтения первой строки, но их совсем немного. Во-первых, поскольку предшествующий знак не виден и здесь допустимо предполагать словораздел, то v^a-h^a могло быть началом нового слова. Количество возможных вариантов ограничивается словом *vahišta* («наилучший») и личными именами, имеющими с этим словом общие корни: *Vahuka*, *Vahyasparuva*, *Vahyazdāta* (Schmitt 2014, 273—274). Во-вторых, если допустить, что знаки v^a-h^a находились не в начале слова, то мы, конечно, имеем больший набор слов, отвечающих этому критерию, но совершенно не помогающих в прояснении смысла текста: это сущ. *āvahana* («поселение»), гл. *avahya* («просить помощи»), нар. *avahyarādiy* («по этой причине») и др.

допускают прочтение *dahyauš* («страны»); *xaša*, возможно, *xašiyam* («правда»). Однако при всем многообразии слов, в написании которых могут содержаться слоговые знаки $\check{s}^a$ и $x^a-\check{s}^a$, мы должны учитывать, что здесь перед нами уже два слова, между которыми должна была существовать смысловая взаимосвязь. И в таком случае, несомненно, в первую очередь следует рассматривать словосочетание, в котором первое слово должно было оканчиваться на $-\check{s}^a$, а идущее следом начинаться на $x^a-\check{s}^a$. Дж.П. Базелло, консультировавший издателей, резонно предположил такого рода комбинацию: $d^a-a-g^a-y^a-v^a-u-\check{s}^a \mid x^a-\check{s}^a-a-y^a-th^a-i-y^a$ («Дарий царь»). Имя Ксеркса — $x^a-\check{s}^a-u^a-g^a-\check{s}^a$ (что могло бы соответствовать трактовке текста издателями) в данном случае исключается в первом слове второй строки, поскольку находящийся перед $\check{s}^a$ - знак графически больше соответствует u -, нежели g^a - (прежде всего вертикальный клин в нем короче, чем в знаке g^a -, что оставляет место наверху для горизонтального клина). Теоретически имя Ксеркса не может быть полностью исключено во втором слове той же строки, которое начинается с $x^a-\check{s}^a$ -. Однако сочетание «Дарий царь» имеет всегда установленный порядок слов во всех сохранившихся надписях, и потому именно такой вариант прочтения представляется предпочтительным.

Остальные сохранившиеся три строки текста не поддаются сколько-нибудь убедительному восстановлению. В третьей строке первый знак не определяется точно, но, учитывая, что от знака остались только два вертикальных клина и четко виден горизонтальный клин над ними, допустимы три варианта: a , d^a , u . Ситуацию несколько упрощает необходимость поиска слова, которое оканчивалось бы на $-a-v^a-m^a$ или $-u-v^a-m^a$ (окончание $-d^a-v^a-m^a$, кажется, вовсе не засвидетельствовано в корпусе древнеперсидских надписей). Причем a - в данном случае — более предпочтительный вариант: слово *avam* ($a-v^a-m^a$) является указательным местоимением «это» в форме вин. п. ед. ч., а окончание *-avam* — признаком глагольной формы 1 л. ед. ч. имперфекта. Именно первый случай дает нам те немногие словосочетания в надписях Дария I, в которых следующее слово начинается также с a - (как и в рассматриваемом тексте): *avam agarbāyam* (DB. V. 27–28: «это я захватил»), *avam Araxam* (DB. III. 82: «это Араха»), *avam asmānam* (DZc. 1; DSf. 2; DSt. 2–3; DE. 3–4: в отношении творений Ахурамазды — «эти небеса»). В том случае если допустить, что *-avam* — это все же окончание глагольной формы, наиболее употребительными из большого числа возможных глаголов являются *akunavam* («я сделал», «я построил») и *abavam* («я стал»). Слова, оканчивающиеся на $-u-v^a-m^a$, также встречаются, но реже, например наречие *paruvam* (DB. I. 9; DSe. 43, 47: «прежде»), на которое обратил внимание Дж.П. Базелло¹³. В четвертой строке одно слово оканчивается на $-y^a-m^a$, а следующее начинается также на a -. От самого первого знака сохранился только вертикальный клин, однако существует 11 знаков, которые возможно предположить на этом месте. Что же касается слов, которые оканчиваются на $-y^a-m^a$, то таковых также довольно много. Тем не менее наиболее часто употребляется указательное местоимение в вин. п. *tyam* («тот»). Также $-y^a-m^a$ соответствует окончанию глаголов 1 л. ед. ч. в имперфекте (последнее опять же может значительно расширить список слов, которые вполне подходят к данному примеру).

¹³ Kuznetsov, Nikitin 2018, 158.

В случае с первым знаком пятой строки повторяется та же ситуация, что и с первым знаком третьей. Количество вариантов ограничено тремя символами: а, d^a, u. Следующий знак, завершающий слово, — это -m^a, а новое слово начинается с а-. Если слово оканчивалось на -a-m^a, то в таком случае мы также имеем дело с окончанием либо существительного (например, в вин. п. или род. п. существительного с основой на -а), либо глагола (1 л. ед. ч. имперфекта), что предполагает множество вариантов. В случае с формой -d^a-m^a мы можем предположить, например, присутствие личного местоимения первого лица а-d^a-m^a («я»). Следом идущее слово начинается с клинописного знака, напоминающего скобу, и просматриваются следы другого знака — вертикального клина. В таком случае мы могли бы ожидать появления одного из двух возможных вариантов начала данного слова — а-k^u- или а-g^a-. Таким образом, в пятой строке надписи мы могли бы увидеть следующие устойчивые выражения, относящиеся к деятельности Дария I и известные по корпусу древнеперсидских надписей: *adam akunavam* («я построил»: DB. I, 68, 72; IV, 3, 40, 45, 59, 89; V, 2; DSe, 34; DSf, 21; DSg, 3; DSj, 2–3) или *adam agarbāyam* («я захватил»: DB. IV, 32; DNa, 17; DSe, 16). Если же признать правильным идентификацию первого знака с u-, то -u-m^a, вероятно, соответствовало окончанию существительного в вин. п. (основа на u-).

В шестой строке начало слова транслитерируется как m^a-r^a-t^a-. Это делает последующее восстановление более определенным. Основываясь на лексиконах Р. Кента и Р. Шмитта, которые содержат список слов в связи с особенностями их транслитерации, можно констатировать наверняка, что только три варианта из известных соответствуют тем знакам, которые используются в шестой строке. Это *mart[iya]* («человек», «мужчина», авест. *marata*, нов.-перс. *mārd*, происходит от общеиранского **mrt* «смертный»), это же слово во множественном числе — *mart[iyā]* («люди»), а также личное имя *Mart[iya]* (последний вариант представляется наименее вероятным, поскольку это имя засвидетельствовано лишь однажды: DB. II, 8; 12–13)¹⁴. Следовательно, в заключительной строке сохранившегося фрагмента надписи должно было присутствовать упоминание какого-то человека или людей; тем не менее остается неизвестным, подданных или врагов, конкретных или абстрактных. Употребление этого слова в корпусе древнеперсидских надписей показывает, что в абстрактном смысле под *martiya/martiyā* понимали человека/людей вообще, безотносительно статуса подданного или же противника, а в конкретном — как верных последователей, так и предводителей мятежников. Таким образом, вполне очевидно, что это слово не имело четко определяемых коннотаций, в отличие, например, от слова *karā* («народ, войско»), употребляемого в текстах обычно в социально-политическом или же военном контекстах, и *dahayau* («народ, страна») — в административном.

Вероятное упоминание в первой и второй строках имени царя Дария, а во второй также и царского титула позволяет отнести надпись к царю Дарию — очевидно, именно Дарию I, которому принадлежит львиная доля надписей в ахеменидском корпусе. В третьей и пятой строках, если мы принимаем в них прочтение слова *[akun]avam*, возможно, содержатся сообщения о сооружении по приказу царя некоей архитектурной или инженерной конструкции (хотя настаивать на этом, разумеется, невозможно). Шестая

¹⁴ Kent 1950, 203; Schmitt 2014, 212–213.

строка, в которой упоминается какой-то человек или люди, мало конкретизирует содержание, в целом остающееся малопонятным. Сказывается здесь и то, что данный фрагмент представляет собой лишь небольшую часть оригинального документа (даже трудно определить какую именно). Поэтому историческая интерпретация, связанная с выяснением возможных обстоятельств происхождения памятника, а также причин его попадания в Фанагорию, представляется просто необходимой.

В.Д. Кузнецов, рассматривая историческую обстановку, с которой можно было бы связать появление надписи, отдает приоритет версии о ее создании в связи с (сугубо гипотетической) военной экспедицией Ксеркса на Боспор перед походом в Элладу¹⁵ — как было сказано ранее, лишь на основании прочтения в первой строке имени Дария в род. п. Гораздо более перспективным кажется все же связывать этот памятник с Дарием I, а не с его сыном. Кузнецов такую возможность считает маловероятной¹⁶. Однако, упоминая вариант создания надписи во время скифского похода Дария, он указывает лишь на сообщение Геродота о воздвижении царем некоей надписи уже после перехода через Боспор Фракийский, когда персидское войско достигло реки Теар во Фракии (Hdt. IV. 90)¹⁷. Между тем исследователь прошел мимо другого сообщения Геродота — безусловно, гораздо более важного и содержательного¹⁸. Рассказывая о начале скифской кампании, тот сообщает следующее:

После обозрения Понта Дарий отплыл назад к мосту, строителем которого был Мандрокл самосец. Затем, обозрев и Боспор, царь повелел воздвигнуть на берегу две стелы¹⁹ из

¹⁵ Kuznetsov 2018, 166–180.

¹⁶ Kuznetsov 2018, 161–164.

¹⁷ Вопрос об этой надписи тоже довольно интересен, а информация о ней не исчерпывается лишь данными галикарнасского историка. Еще в 1854 г. появилось сообщение о найденной за 20 лет до того какой-то стеле с надписью на «ассирийском языке» в районе г. Бунархиссар (совр. Пынархисар) в европейской Турции — очевидно, недалеко от того места, где могла протекать река Теар (один из вариантов локализации реки — вблизи Пынархисара: Vasilev 2015, 60; ср. Boteva 2011, 741, п. 32 с литературой); следы стелы, однако, затерялись (Jochmus 1854, 44). Э. Унгер описал найденный им фундамент какой-то стелы, которую он связал с исчезнувшим памятником из Бунархиссара и, соответственно, идентифицировал ее с упомянутой Геродотом надписью Дария у реки Теар (Unger 1915, 3–16). В целом об этом памятнике см. Vasilescu 2007, 117, 122–127; ср. Schmitt 1988, 34–36. Кроме того, мнение, что «до сих пор ни одной древнеперсидской надписи за пределами владений Ахеменидов найдено не было» (Kuznetsov, Nikitin 2018, 158), должно быть скорректировано с учетом существования еще одного важного артефакта — глиняной таблички из г. Герла (Румыния), о которой речь пойдет ниже.

¹⁸ Хотя следует признать, что анализ этого приводимого далее пассажа в других исследованиях тоже не может быть признан исчерпывающим: см. Merle 1916, 11–12; Nevskaya 1953, 60–61; Chernenko 1984, 57–58; Loukopoulou 1989, 88–89; Briant 2002, 198; Tuplin 2010, 294–295; Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 644–645. Наиболее подробно у Schmitt 1988, 32–34; Vasilescu 2007, 117, 119–121, хотя, к сожалению, без сопоставления с данными других античных источников (см. далее).

¹⁹ Шмитт отмечает специфичность применения слова στήλη к древнеперсидской надписи в данном контексте (Schmitt 1988, 33).

белого мрамора²⁰ и на одной высечь ассирийскими письменами²¹, а на другой эллинскими²² имена всех народов, которых он вел с собой²³, а предводительствовал он над всеми подвластными народами (καὶ τὸν Βόσπορον στήλας ἔστησε δύο ἐπ' αὐτοῦ λίθου λευκοῦ, ἐνταμὼν γράμματα ἐς μὲν τὴν Ἀσσύρια, ἐς δὲ τὴν Ἑλληνικά, ἔθνεα πάντα ὅσα περ ἦγε· ἦγε δὲ πάντα τῶν ἦρχε). Численность пеших и конных воинов составляла, кроме экипажей кораблей, 700 000 человек. Кораблей же было 600. Впоследствии же византийцы привезли стелы в свой город

²⁰ Мрамор фанагорийской надписи светло-серый (Kuznetsov, Nikitin 2018, 152). Думается, на этом основании не стоит делать вывода о возможной нетождественности его с тем камнем, на котором были вырезаны стелы Дария на Боспоре Фракийском. Выражение «из белого камня» (ἐκ λίθου λευκοῦ) широко распространено в греческих эпиграфических текстах, но едва ли мрамор в каждом случае, как и в этом, был идеально белоснежным. Скорее Геродот просто использовал здесь общеупотребительное, практически формульное выражение. И, быть может, остатков Дариевых столпов он лично все-таки не видел? Об этом см. далее, прим. 28.

²¹ Выражение «ассирийское письмо» (τὰ Ἀσσύρια γράμματα), которое встречается не только у Геродота, но и у других античных авторов (Thuc. IV. 50. 2; Diod. II. 13. 2; Strab. XIV. 15. 9; Them. Ep. 21), было обобщающим определением, используемым греками для обозначения клинописи Месопотамии и Ирана (Nylander 1968, 118–136; Schmitt 1988, 33; 1992, 21–35); возможно, оно применялось даже для восточной письменности вообще (Lewis 1977, 2–3, n. 3).

²² Стел в данном случае было как минимум две. Это позволяет несколько скорректировать утверждение первоиздателей о том, что надпись представляла собой персидско-греческую билингву (Kuznetsov, Nikitin 2018, 158), каковых, кстати говоря, до сих пор вообще не обнаружено, тогда как греческий перевод с древнеперсидского на отдельной стеле представляется более вероятным (существует же знаменитая стела с «письмом Дария Гадату» на древнегреческом: *I. Magnesia* 115; *ML* 12; Briant 2001; Tuplin 2009). Персидские цари также практиковали изготовление надписей на разных языках на отдельных стелах, как об этом свидетельствует, помимо данного указания Геродота, знаменитая антидэвовская надпись Ксеркса из Персеполя и Пасаргад, теперь известная в пяти копиях, в том числе на эламском и аккадском языках (Abdi 2006–2007, 46). В 1967 г. близ Персеполя была найдена каменная плита на древнеперсидском языке с надписью, принадлежащей Ксерксу, в которой царь практически дословно повторяет ту характеристику, которую дал себе его отец Дарий в тексте на Накш-и-Рустамской гробнице (XPl) (подробнее об этом см. Rung, Chiglintsev 2017, 701–702). Исследователи долгое время считали, что этот текст не имел параллелей на других языках (т.е. был монолингвальным), до тех пор, пока совсем недавно, в 2015 г., не был исследован ранее неопубликованный фрагмент на эламском, хранившийся в коллекции Восточного института в Чикаго, который был отнесен к той же самой надписи Ксеркса (Green, Stolper 2015, 13). Таплин допускает, исходя из аналогии с нильско-красноморской надписью Дария, что греческий текст мог быть пространнее персидского, а также предполагает, что как боспорская надпись, так и надпись из Теара, могли быть начертаны на нескольких камнях (Tuplin 2010, 294–295).

²³ Вероятно, Геродот здесь ссылается не просто на список народов, представителей которых Дарий ввел за собой в поход. Скорее в надписи перечислялись все этносы, пребывавшие в составе ахеменидской империи, на что, собственно говоря, имплицитно указывает продолжение фразы. Мы должны, таким образом, ожидать появления в тексте обоих стел (наряду со стандартными похвалами Ахурамазде и «царским протоколом») перечня подчиненных царю царей стран и народов, как это практиковалось в других надписях Дария I (DB. I. 14–17; DPe. 10–18; DNa. 22–30; DSe. 21–30; DSm. 6–11), а затем и Ксеркса (XPh. 19–28) (Schmitt 1988, 33). О принципе «каталогизации империи» как отражении имперской идеологии Ахеменидов см. Rung 2015, 136–137.

и употребили их на постройку алтаря²⁴ Артемиды Ортосии²⁵, кроме одного камня, который остался у храма Диониса²⁶ в Византии; на нем были ассирийские письма (τῇσι μὲν νυν στήλῃσι ταύταισι Βυζάντιοι κομίσαντες ἐς τὴν πόλιν ὑστερον τούτων ἐχρήσαντο πρὸς τὸν βωμὸν τῆς Ὁρθωσίης Ἀρτέμιδος, χωρὶς ἐνὸς λίθου· οὗτος δὲ κατελείφθη παρὰ τοῦ Διονύσου τὸν νηὸν ἐν Βυζαντίῳ γραμμάτων Ἀσσυρίων πλέος). Место на Боспоре, где Дарий повелел построить мост, находится, как я полагаю, [посередине] между Византием и храмом у входа в Боспор²⁷ (Hdt. IV. 87; пер. Г.А. Стратановского с уточнениями).

Этот пассаж достаточно подробен и обстоятелен сам по себе, и никаких серьезных оснований сомневаться в его надежности (по крайней мере в главных чертах — какие-то детали Геродот, конечно, мог передать не вполне верно) нет²⁸. «Отец истории» с присущей ему любознательностью проявлял

²⁴ Вероятно, речь идет об отдельно стоящем алтаре богини. В Византии и его окрестностях таких сооружений было немало, как об этом рассказывает наиболее ценный и информативный источник по топографии истории Византия и его окружи — «Плавание по Боспору» Дионисия Византийского (II в. н.э.? 8; 16; 24; 28; 46; 71; 74; 86); ср. Hesych. Illustr. (BNJ 390 F 7. 3, 8, 16, 37). Текст Геродота, воспринятый буквально, дает понять, будто стелы были распилены или разбиты уже непосредственно в городе, хотя нельзя исключать и того, что это произошло прямо там, где они были воздвигнуты (ср. Vasilescu 2007, 119–120, п. 13) — это имело бы несомненный символический смысл и находит определенную параллель в приводимом далее сообщении Ктесия Книдского.

О конструктивных особенностях древнегреческих алтарей см. не новую, но не потерявшую своего значения работу: Yavis 1949. Суммировав весьма обильные данные по материалам архаического и классического времени (Yavis 1949, 87–227), можно заключить, что размеры их могли довольно значительно варьироваться, а сами конструкции нередко бывали составными. Исходя из этого, не стоит, пожалуй, сомневаться в том, что мрамора воздвигнутых Дарием стел вполне должно было бы хватить для сооружения алтаря Артемиды или по крайней мере каких-то его частей.

²⁵ Эта эпиклеса Артемиды объясняется в схолиях к Пиндару (*Ol.* III. 54a; ср. [Plut.] *De flux.* XXI. 4); видимо, с ней связан и более распространенный эпитет — Ортия (см. Mejer 2009, 64). Показательно, что под этим именем Артемиды почиталась в Мегарах, метрополии Византия (*SEG* 48, 568 — IV в. до н.э.; ср. Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 644); там же для нее зафиксирована эпиклеса Сотейра (Paus. I. 40. 2–4), так что функции этой богини, связанные с защитой города и его стен, могли быть характерны и для Византия (Loukouroulou 1989, 106–108; Russell 2017, 185).

²⁶ По другим источникам этот храм неизвестен. Изображение Диониса иногда появляется на монетах Византия (Schönert-Geiss 1970, 152). О культе Диониса в его различных ипостасях в Византии в целом см. Russell 2017, 141, 148–150, 180–181.

²⁷ То есть, исходя из топографии побережья, в самом узком месте пролива (Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 644–645).

²⁸ В комментарии к произведению Геродота говорится даже о том, что историк мог видеть персидские сооружения на Боспоре Фракийском собственными глазами (How, Welles, 1912, I, 333). В отношении надписей это теоретически возможно только в одном случае: если он бывал в Византии и мог наблюдать, к примеру, тот самый осколок одной из плит у храма Диониса, хотя сам автор прямо об этом не сообщает (без каких-либо сомнений Harmatta 1954, 11; более критично Vasilescu 2007, 120–121; против — правда, о персидской и греческой надписях вообще, а не об обломке первой — Schmitt 1988, 33). Конечно, нет никакой уверенности в том, что камень сохранился на прежнем месте при всех превратностях судьбы, выпавших на долю византийцев после скифского похода Дария — подчинения их Отаном (Hdt. V. 26) и последующего опустошения городов Геллеспонтской области в результате акции персидского флота,

живой интерес к эпиграфическим документам — как греческим, так и восточным²⁹, и потому вполне закономерно, что он уделил заметное внимание надписям Дария, воздвигнутым на Боспоре³⁰.

Еще более важно, что эти сведения отнюдь не являются изолированными: с ними могут быть сопоставлены другие сообщения античных авторов. Первое из них принадлежит Ктесию Книдскому:

Собрав войско в 800 тысяч, Дарий, наведя мосты через Боспор и Истр, перешел в Скифию; путь занял у него 15 дней. Они (Дарий и скифский царь Скифарб. — *Авт.*) послали друг другу луки. Дарий, поскольку скифский лук оказался крепче, обратился в бегство. Он перешел мосты и поспешно разрушил их прежде чем войско перешло по ним. Затем Скифарб уничтожил 80-тысячное войско³¹, оставленное [Дарием] в Европе. Перейдя мост (через Боспор. — *Авт.*), Дарий сжег дома и храмы калхедонян, поскольку те пытались разрушить мост, когда он переходил на их сторону (в Азию. — *Авт.*) и потому, что они разрушили алтарь, воздвигнутый Дарием при переправе во имя Зевса Диабатерия³² (*Δαρείος δὲ τὴν γέφυραν διαβάς, Χαλκηδονίων οἰκίας καὶ ἱερὰ ἐνέπρησεν, ἐπεὶ τὰς πρὸς αὐτοῖς γεφύρας ἐμελέτησαν λῦσαι, καὶ ὅτι τὸν βωμόν, ὃν περὶ Δαρείος κατέθετο ἐπ' ὀνόματι Διαβατηρίου Διός, ἥφάνισαν* — *FGrHist* 688 F 13. 21; пер. авторов)³³.

что даже вызвало выселение части жителей Византия и Калхедона в Месембрию (Hdt. VI. 33). Непосредственно на берегах пролива упомянутые надписи Геродот во время своих странствий, конечно, видеть не мог — их там уже давно не было; что же до других сооружений Дария на европейском берегу, то они, судя по всему, сохранились до времени Дионисия Византийского (см. далее). Вполне вероятно также, что историку оказалась доступна подробная информация о мосте через Боспор и всех связанных с ним сооружениях во время его пребывания на Самосе, родине Мандрокла (*Vasilescu* 2007, 120–121).

²⁹ См., помимо цитировавшейся выше работы Шмитта (*Schmitt* 1988, 17–38), содержательную статью с перечнем упоминаемых греческим историком эпиграфических документов: *West* 1985, 278–305.

³⁰ См. специально: *West* 1985, 281–282.

³¹ Эту же численность называет и Геродот (IV. 143), отчего она, конечно же, не становится более достоверной.

³² «Покровительствующего переправе». Возможно, Ктесий эллинизирует здесь образ иранского Ахурамазды (*Nichols* 2008, 171 с литературой; об отождествлении греками Зевса с Ахурамаздой в целом см. *Dandamayev* 1963, 18–19). Не стоит забывать и об одном из важных символов зороастрийской мифологии (хотя и более позднего времени) — ведущем в потусторонний мир мосте Чинвад/Чинвар (пехл. *čīn.wad*; паз. *čīn.var*; авест. *čīn.vant-*, прил. 'разделяющий', *čīn.vatō* в сочетании с сущ. 'мост, проход' [авест. *paretav-*, м.]), в переходе душ праведников по которому помогают божества Срош, благой Вай и Вахрам (*Chunakova* 2004, 256–257): какие-то аллюзии на эти образы могли присутствовать и при сооружении моста Дария.

³³ Даже с учетом того, что Ктесий был последовательным оппонентом Геродота вообще и во многих вопросах истории Ахеменидов в частности и постоянно с ним полемизировал (см., например, *Lenfant* 1996, 348–380; *Bichler* 2004), в данном случае нет оснований противопоставлять информацию двух авторов: Геродот и Ктесий скорее взаимно дополняют друг друга, рассказывая о разных деталях одних и тех же событий, происходивших как в Европе, так и в Азии. Причину этого возможно видеть в использовании ими разных источников. Так, Ктесий, долгое время обретавшийся при ахеменидском дворе, мог получить там информацию о личном участии Дария в походе на Калхедон. Свидетельства Геродота, иногда, казалось бы, опровергающие достоверность информации Ктесия, не исключают того, что этот последний в некоторых случаях вполне может быть прав (*Gillis* 1979,

Ктесий перечисляет прегрешения калхедонян перед Дарием не в хронологическом порядке, а, вероятно, сообразно тяжести их вины за каждое. Любопытно, что, согласно данному автору, именно эти проступки калхедонян даже послужили предлогом для начала похода Ксеркса в Элладу (*FGrHist* 688 F 13. 25), хотя это, конечно, явная передержка.

Наконец, сходную информацию приводит и уже упоминавшийся Дионисий Византийский при описании европейского берега пролива:

57. После храма Дианы Диктинны³⁴ плавание беспокойно и очень подвержено сильному течению. Местность же называется Псом Пирием... Тут и сила волн особенно велика — в теснине, разделяющей два материка. Говорят, что здесь же была переправа Дария: ведь в этом месте самосец Андрокл³⁵ соединил мостом берега Боспора³⁶. Тут имеются различные исторические памятники, в том числе кресло, вырубленное в скале (*hic locus cum alia praebebat historiae monumenta, tum sellam in petra excisam*)³⁷. Как сообщают, на нем сидел Дарий, наблюдая за мостом и переходящим по нему войском (*in hac enim aiunt sedentem Darium spectatorem fuisse pontis et transeuntis exercitus*) (здесь и далее пер. И.Е. Сурикова).

Ценен и другой пассаж того же автора, где он описывает достопримечательности южного берега залива Рог, в непосредственной близости от самого Византия (но вне городских стен):

(14) На некотором же удалении от моря два храма — Геры и Плутона; от них не осталось ничего, кроме названия. Ибо первый сожгли персы, ходившие с Дарием в поход на скифов, — таким образом они отомстили за то, в чем город обвинялся перед царем (*κατὰ δ' ἀλόβασιν*

13). Едва ли стоит принимать точку зрения, будто оба греческих автора говорят вообще об одном и том же факте, но Геродот повествует о нем как очевидец (How, Welles 1912, I, 333), что, видимо, могло бы свидетельствовать в пользу большей достоверности его рассказа в сравнении с Ктесием. Развивая эту мысль, вообще можно было бы прийти к выводу, что в действительности имел место только демонтаж Дариевых стел византийцами, тогда как сведения о разрушении алтаря Зевса Диабатерия калхедонянами — не более чем фикция, остающаяся на совести Ктесия (ср. Balcer 1972, 121). Согласиться с таким предположением, как будет показано далее, невозможно.

³⁴ Известная эпиклеса Артемиды (в данном случае она названа Дианой, так как параграфы с 57 по 95 «Плавания по Боспору» сохранились только в латинском переводе), означающая «Ловящая сеть».

³⁵ Видимо, ошибка Дионисия. Оснований сомневаться в правильном написании имени Мандрокл у Геродота и других авторов (*Theocr. Anth. Gr.* VI. 341; *Tzetz. Chil.* I. 826), как кажется, не существует, см. Belfiore 2009, 310, n. 138.

³⁶ Ср. Polyb. IV. 43. 2: «Это и есть наиболее узкая часть пролива. Здесь-то, как рассказывают, Дарий перекинул мост через пролив, когда шел войной на скифов» (пер. Ф.Г. Мищенко).

³⁷ О троне Дария сообщает и Геродот, хотя в несколько другом контексте: «Мандрокл велел написать картины с изображением всего строительства моста через Боспор; на берегу сидящим на троне был изображен Дарий и его войско, переходящее по мосту через Боспор» (IV. 88; пер. Г.А. Стратановского). Насколько известно, для персидской архитектуры скальные троны были нехарактерны, но такие сооружения широко практиковались в Малой Азии, особенно фригийцами. См., в частности, Berndt-Ersöz 2006 (множество упоминаний; отметим особо р. 171, n. 228 — примеры похожих конструкций в эллинском мире; р. 196 — общая концепция “divine rick-cut thrones”; ср. Vassileva 2009, 111–124). Эти детали важны ввиду отмеченного выше возможного греческого влияния на исполнение самой надписи.

τῆς θαλάττης δύο νεφί, Ἦρας καὶ Πλούτωνος· λείπεται δ' αὐτῶν οὐδέν, ὅτι μὴ τοῦνομα· τὸν μὲν γὰρ οἱ σὺν Δαρείῳ Περσῶν κατὰ τὴν ἐπὶ Σκύθας ἔλασιν ἐνέπρησαν, τῷ βασιλεῖ τιμωροῦντες ἀνθ' ὧν ἦτιάτο τὴν πόλιν).

Для начала стоит разобраться с топографией. Сооруженный по приказу Дария мост, очевидно, располагался в самом узком месте пролива (его ширина здесь всего 700 м), между Румели Хисары и Анадолу Хисары. В 1985–1988 гг. именно здесь был сооружен мост Фатих Султан Мехмет — второй из трех, связывающих ныне европейский и азиатский берега Босфора. Оба берега в этих местах и поныне довольно возвышенны и живописны, что создает естественные предпосылки и прекрасные условия для сооружения тут монументальных архитектурных сооружений, долженствующих сполна удовлетворить вкус и самолюбие персидского владыки³⁸. Дарий, без сомнения, желал подчеркнуть преодоление им столь важного пространственного рубежа и символически маркировать свое господство над Боспором³⁹, представ перед своими подданными, врагами да и всем миром владыкой не только Азии, но и (уже) Европы⁴⁰. Разумеется, подобные деяния не могли расцениваться греками иначе чем проявление ὕβρις⁴¹. Как указывали комментаторы Геродота, алтарь Зевса, исходя из того что его разрушили калхедоняне, скорее всего располагался на азиатской стороне пролива; следовательно, увезенные византийцами в свой город надписи находились в Европе⁴².

Сооружение столь грандиозной конструкции, какой был мост через Боспор⁴³, имело, без сомнения, широкий резонанс, что нашло отражение

³⁸ Ср. характерное замечание географа, дающее представление о предпочтениях персов в подходе использования ландшафта при строительстве: «Над Сардами возвышается Тмол — плодоносная гора с наблюдательным пунктом на вершине, представляющем собой крытую галерею из белого мрамора; это постройка персов, откуда открывается вид на окрестные равнины, в особенности на равнину Каистра» (Strab. XIII. 4. 6; пер. Г.А. Стратановского).

³⁹ О стратегическом значении проливов для персов см. Stronk 1998–1999 (с преимущественным вниманием, впрочем, к Геллеспунту, а не к Боспору Фракийскому).

⁴⁰ Briant 2002, 198; Bichler, Rollinger 2017, 9.

⁴¹ Rollinger 2013, 73. В обстоятельной статье А. Дан переправа Дария через Боспор почему-то не названа в числе других подобных деяний, связанных с преодолением символических природных границ: переход Кира через Аракс, Креза — через Галис, Дария — через Истр (в ходе все той же скифской кампании), Ксеркса — через Стримон; наиболее же подробно здесь анализируется переправа Ксеркса через Геллеспонт (Dan 2015). Это, однако, ничуть не отменяет применимости значительной части рассуждений исследовательницы и к рассматриваемому нами эпизоду. Ср. высказывания брата Дария Артабана относительно пагубности похода на скифов в целом (Hdt. IV. 83) и о наведении царем мостов через Боспор и Истр в частности (VII. 10) (последний пассаж адресован уже Ксерксу).

⁴² Хотя, конечно, ничто не мешало византийцам высаживаться и действовать на азиатском берегу, а калхедонянам — на европейском; ср. Vasilescu 2007, 119, n. 11.

⁴³ См. описание, данное Иорданом: «Чуть ли не от Калхедона до самого Византия он поставил рядом свои корабли подобно мостам и, тесно сдвинув их, перешел во Фракию» (Get. 63; пер. Е.Ч. Скржинской). Этот мост был понтонным и, видимо, устроен примерно так же, как мост Дария через Истр (Hdt. IV. 89; 139) и особенно подробно описанная переправа Ксеркса через Геллеспонт (VII. 36) (об устройстве моста Ксеркса см. Stronk 1998–1999, 58–65; Hammond 2008, 527, 530). Интересно, что

как в посвящении Мандроклom в храм Геры на Самосе картины со стихотворной надписью (IV. 88), так и в поэме Херила Самосского (кон. V в. до н.э.) «Переправа через понтонный мост» (ἐν τῇ διαβάσει τῆς σχεδίας ἥν ἔξευξε Δαρεῖος), упоминаемой Страбоном со ссылкой на Эфора (VII. 3. 9)⁴⁴. По справедливому замечанию А. Фола и Н. Хэммонда, «сам акт переправы такого огромного воинства из Азии в Европу обладал и сакральным значением: дело в том, что воды, разделявшие два континента, были священными — Танаис (Дон), Черное море, Боспор и Геллеспонт»⁴⁵. В ознаменование этого события по приказу Дария были воздвигнуты монументальные памятные знаки: на азиатском берегу (по крайней мере) — алтарь, атрибутируемый Ктесием Зевсу Диабатерию (=Ахурамазде?), на европейском — стелы с перечислением участвующих в кампании и подвластных царю царей народов, трон, откуда было удобно наблюдать за переходом войска, и какие-то другие сооружения. Возможно, в надписи на европейском берегу упоминалось и строительство моста через пролив, а также обозначалась цель похода — привести к покорности скифского царя.

Не стоит сомневаться и в том, что и последующая переправа через Истр также была представлена Дарием как важнейшее символическое событие. Этому, как кажется, могут быть представлены доказательства, полученные при новом рассмотрении уже давно известного источника. В 1954 г. Я. Харматта опубликовал фрагментарную надпись на древнеперсидском языке (DG), выполненную на маленькой глиняной табличке (высота 47 мм, ширина 52 мм, толщина 5–6 мм). Она была случайно обнаружена в неясном археологическом контексте в румынском г. Герла (Трансильвания) еще в 1937 г. Исследователь восстановил текст следующим образом: «Дарий великий

ранее мосты такого рода сооружались персами как по приказу Кира во время войны с массагетами (I. 205), так и самого Дария в походе против них же. См. подробнее Chernenko 1984, 58; 61–63; Fol, Hammond 2008, 238. Возможно, слово *draxtā* («посредством дерева» — DB. V. 24: [d]-x-[t]-a; ср.-перс. *draxt*; нов.-перс. *diraxt* — «дерево») в сообщении Бехистунской надписи о переправе Дария через «море» (*draya*) во время похода против саков тиграхауда в 519 г. до н.э. как раз метафорически означало мост. Впрочем, в литературе отсутствует единое понимание этого места текста. Долгое время исследователи вообще оставляли его без перевода, ввиду того что строки здесь были отчасти разрушены, а отчасти плохо читаемы (King, Thompson 1907, 81–82; Turayev 1911, 277). В.И. Абаев сначала полагал, что речь шла о «корабельном мосте» (Abaev 1950, 263), принимая, очевидно, перевод и интерпретацию данного места надписи, которые предпринял В.В. Струве (Struve 1946, 231), однако позднее он изменил свое мнение в пользу «плотов» (Abaev 1980, 31). М.А. Дандамаев же полагал, что Дарий с войском переправился «на пароме» (sic!) (Dandamayev 2002, 397). Р. Кент говорил о переправе “by raft” (Kent 1950, 134), а Р. Шмитт переводит слово *draxtā* как “by means of a tree-trunk” (Schmitt 1991, 76; n. 24) и “auf Baumstämmen” (Schmitt 2009, 90), предполагая, что возможно имелись в виду «деревянные плоты» (Holzflößen) (Schmitt 2009, 90). О мостах Ахеменидов в целом см. Huff, Kleiss 1989, 449–455 (анализ терминологии и археологических свидетельств).

⁴⁴ Е.В. Черненко, как кажется, полагает, что Херил описывал мост через Истр (Chernenko 1984, 62), однако, будучи соотечественником Мандрокла, поэт скорее избрал бы предметом своего сочинения именно мост через Боспор; никаких оснований предполагать причастность Мандрокла к сооружению моста через Истр, вопреки мнению Б.А. Рыбакова (Rybakov 1979, 29, 70, 79), не существует (Chernenko 1984, 62).

⁴⁵ Fol, Hammond 2008, 238.

царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, Ахеменид, тот, кто этот дворец построил»⁴⁶. Слово *tacaram* («дворец») предполагается исследователем на основании присутствия в тексте глагола *[a]kunauš* («он построил») в 3 л. ед. ч. имперфекта и по аналогии с одной «строительной» надписью Дария I из Персеполя (DPa) (ср. возможность употребления того же глагола, но в 1 л. ед. ч., в сткк. 3 и 5 нашей надписи, о чем было сказано ранее). Харматта предположил несколько различных версий попадания таблички в то место, где она была впоследствии найдена, не исключая в качестве возможного варианта и скифскую экспедицию Дария I (хотя и не рассматривая данную гипотезу как приоритетную). О предназначении же документа исследователь сделал вполне разумное допущение, что он мог быть своего рода черновиком, с которого резчики впоследствии переносили текст на камень⁴⁷. Между тем, говорить о реальной постройке какого-либо дворца персами на Балканах⁴⁸ кажется не слишком вероятным⁴⁹. Столь же сомнительным выглядит и допущение, будто бы глиняная табличка, черновик строительной надписи, воздвигнутой (как и дворец, который мог в ней быть упомянут) где-то в глубине Азии, каким-то образом оказалась в Европе — за сотни, если не за тысячи километров. Вероятно, исходя из этого, П. Лекок, поддержавший идею, что обнаруженная табличка была лишь «проектом» и предназначалась для записи на камне, связал ее с той надписью, которую Дарий приказал высечь на камне у Боспора (показательно, что этот исследователь приводит надпись без восстановления, которое предложил Харматта)⁵⁰. Совсем необязательной считает эту конъектуру и Шмитт; сама же надпись могла быть, на его взгляд, связана со скифским походом Дария I и соотноситься с сообщениями Геродота о стелах этого царя, воздвигнутых по случаю строительства моста через Боспор, или с надписью в районе источников у реки Теара⁵¹. В таком случае возникает закономерный вопрос, а не говорил ли этот текст о сооружении моста через Истр. Учитывая символическое значение этой реки как одного из сакральных рубежей державы Ахеменидов (Plut.

⁴⁶ Harmatta 1954, 7. Сам Харматта ввиду явной необычности находки довольно детально обсудил также вопрос о вероятной фальсификации надписи, но отверг эту возможность (Harmatta 1954, 13–14). Ведущий специалист по ахеменидской эпиграфике Р. Шмитт в своей монографии, специально посвященной *pseudo-altpersische Inschriften*, полагает, что признаков подделки надписи нет (Schmitt 2007, 63).

⁴⁷ Harmatta 1954, 7–11.

⁴⁸ Хотя оно порой встречается в литературе (Rahe 2015, 88). В последние десятилетия довольно впечатляющие остатки персидской дворцовой архитектуры были обнаружены в государствах Закавказья (см. обстоятельный обзор в Knauß, Gagošidse, Babaev 2013), однако в этом регионе господство Ахеменидов было куда более длительным и прочным, нежели во Фракии. О возможных археологических свидетельствах персидского пребывания здесь см. Chernenko 1984, 58–62; Tuplin 2010, 294.

⁴⁹ Равно как и предположение З. Арчибалд, будто в этой надписи могла содержаться информация о строительстве каких-то укреплений на западном берегу Понта Эвксинского (Archibald 1998, 81): едва ли Дарий во время похода мог тратить время и ресурсы на решение задач, не связанных прямо с борьбой против скифов.

⁵⁰ Lecoq 1997, 128, 218.

⁵¹ Schmitt 2007, 63.

Alex. 26, со ссылкой на Динона Колофонского)⁵², кажется вполне обоснованным предположение, что сооружение большого моста через нее и последующая переправа войска также получили определенное отражение в царской пропаганде, тем более что подобные события (хотя и довольно неясно описанные) Дарием в надписях упоминались (см. выше; остается, к сожалению, неясным, какое именно слово или выражение было употреблено в данном случае). Вероятно, надпись о строительстве моста могла быть воздвигнута на месте переправы, где-то на берегу Истра⁵³, но о ней Геродот по каким-то причинам ничего не знал. Что же до глиняной таблички, ее черновика, то, разумеется, остается не вполне понятным, каким образом она оказалась в Трансильвании, к северу от Дуная⁵⁴. Однако такое ее путешествие все-таки выглядит куда более вероятным, нежели другие версии.

После перехода персидского воинства в Европу эллины Боспора Фракийского, судя по всему, остались до известной степени предоставлены сами себе⁵⁵. Как известно, кампания против скифов шла весьма неудачно, и сведения о бедственном положении армии Дария в Европе едва ли были тайной для византийцев и калхедонян, равно как и для других эллинов: греческие корабли активно использовались царем (*Hdt.* IV. 83; 85; 87; 89; 97–98; 141), и именно от их экипажей (если предполагать возможность их плаваний во время похода к Боспору Фракийскому и Пропонтиде⁵⁶) могла исходить подобная информация. В этой-то ситуации византийцы и калхедоняне, судя по всему, и разрушили сооружения Дария на обоих берегах пролива с очевидной пропагандистской целью: уничтожить символы персидского господства над проливом и над своими городами и нанести урон царственному престижу персидского владыки.

Авторы данной статьи глубоко уверены в том, что в Фанагории оказался именно какой-то обломок той стелы Дария, о которой говорит Геродот. В самом деле, галикарнасец подробно рассказывает о событиях, в которых

⁵² Об имперской географической символике Ахеменидов см. Rung 2015, 133–136, особ. 135. Содержательная статья об Истре как природно-географическом и ментальном рубеже в представлениях эллинов: Dan 2011.

⁵³ О наведении моста через Истр: *Hdt.* IV. 89; см. также Chernenko 1984, 61–62. Страбон между тем особо отмечает, что переправа была устроена через остров Певка (*Strab.* VII. 3. 15). Это уточнение помогает понять, почему в дальнейшем грекам удалось ввести в заблуждение скифов, требовавших разрушения моста, демонтировав лишь ближнюю к северному берегу его часть (*Hdt.* IV. 139): очевидно, скифам просто не было видно, что происходит по другую сторону острова.

⁵⁴ Отметим, что в горных массивах Пояна Рускэ и Апусени в Западной Румынии, относительно недалеко от места обнаружения таблички, известны месторождения высококачественного мрамора, откуда гипотетически по приказу Дария мог быть доставлен камень для изготовления надписи на Дунае. Некоторые исследователи относят начало их разработки к древности, см. Tudor, Surd 2015, 102 (с литературой).

⁵⁵ Их положение в ходе данных событий должно стать предметом специального рассмотрения, основанного прежде всего на максимально подробном анализе сообщений Ктесия и Дионисия.

⁵⁶ В описании моста Ксеркса через Геллеспонт (*Hdt.* VII. 36) специально указывается, что «между укрепленными на якорях пентеконтерами и триерами они (персы. — *Авт.*) оставили промежуток для прохода любых мелких судов из Понта и в Понт»; очевидно, подобным образом был устроен и мост Дария.

фигурируют сам Дарий I (видимо, упоминаемый в тексте нашей надписи дважды), воздвигнутая царем фактически на пороге Причерноморья стела с персидской надписью, а также греки, разрушившие этот монумент и использовавшие его обломки в своих собственных целях — как сугубо утилитарных, так и, возможно, политико-идеологических⁵⁷.

Теперь обратимся к рассмотрению вероятных вариантов того, каким же образом кусок этой персидской надписи мог оказаться в Северном Причерноморье. Здесь прежде всего следует перейти к (повторному, вслед за первоиздателями) рассмотрению археологического контекста артефакта. Мы никак не можем согласиться с В.Д. Кузнецовым в том, что именно этот контекст имеет решающее значение в датировке памятника и определении принадлежности его Дарию либо Ксерксу⁵⁸ — отчасти (как мы старались показать ранее) из-за недооценки исследователем возможностей других датировок и исторических интерпретаций фрагмента надписи, отчасти — поскольку и сами детали обнаружения камня в Фанагории оставляют немало вопросов. Прежде всего для верного понимания контекста находки далеко не лишним было бы обозначить в публикации ее локализацию на карте фанагорийского городища и — что, несомненно, еще более важно — привести фотографию, на которой камень был бы изображен *in situ*, т.е. непосредственно в сгоревшем доме, а также план последнего. Перспективным казалось бы и проведение специального химико-минералогического анализа мрамора, который мог бы прояснить его происхождение⁵⁹.

Так или иначе, необходимо исходить из того, что мы имеем один-единственный непреложный археологический факт: обломок ахеменидской надписи был обнаружен в доме, погибшем в пожаре в V в. до н.э. (уточнение того, когда именно случилась гибель постройки, оставим фанагорийским археологам — для нашей гипотезы это в сущности не так уж важно). Не исключено, что камень использовался в качестве какого-то элемента внутреннего устройства дома — порога, приступки, подставки и т.д. — т.е. попал он туда (существенно?) раньше, чем произошло разрушение строения. Соответственно, рассуждения В.Д. Кузнецова об уничтоженных фанагорийских укреплениях и указанном жилище как о закрытых комплексах, что, с его точки зрения, будто бы подтверждает не только данную им датировку событий, но и их историческую трактовку⁶⁰, имеют относительную ценность: ясно только, что наш артефакт оказался во втором из этих комплексов до того, как тот «закрылся». Более того, «попытки обнаружить на исследуемом участке другие фрагменты стелы в течение полевого сезона 2017 г., к сожалению, не увенчались успехом»⁶¹, и это вкупе с указанием того же исследователя на исключительную редкость использования камня вообще и отсутствие мрамора

⁵⁷ Особенно соблазнительно было бы, разумеется, видеть в фанагорийской надписи тот самый упомянутый Геродотом обломок Дариевой стелы, который находился в Византии у храма Диониса, но для такого утверждения, конечно, требуется слишком большая смелость.

⁵⁸ Kuznetsov 2018, 166.

⁵⁹ Априори кажется наиболее вероятной ситуация с доставкой камня для выполнения надписи Дария на Боспоре Фракийском из Проконнесса на Пропонтиде.

⁶⁰ Kuznetsov 2018, 166.

⁶¹ Kuznetsov, Nikitin 2018, 152, прим. 2.

в особенности в ранней Фанагории⁶² как раз и свидетельствует со всей очевидностью о том, что целой персидской надписи в городе никогда не было, здесь оказался лишь ее привезенный издалека обломок. Едва ли стоит сомневаться, что именно в таком виде фрагмент камня и попал с Боспора Фракийского на Боспор Киммерийский. В противном случае фанагорийцы после «крушения ахеменидского владычества над Боспором» и разрушения надписи с победной реляцией Ксеркса (по Кузнецову) наверняка использовали бы дефицитный мрамор для собственных нужд, подобно тому, как это, согласно Геродоту, не погнушались сделать византийцы — у которых, между тем, этот камень был в достатке. Мрамор разбитой стелы (точнее, по всей вероятности, двух стел с персидским и греческим текстами, см. выше) наверняка должен был бы оставить какие-либо следы в Фанагории — не пережгли же его горожане на извесь!

Кроме того, тот факт, что стела не была обработана с тыльной стороны, увеличивает вероятность ее установки в таком месте, где в подобном декоре не было необходимости — скажем, как мы и предполагаем, у подтесанных скал на берегу пролива, в комплексе если не типичных, то по крайней мере присущих персидской монументальной архитектуре конструкций (см. выше). Будучи воздвигнут на акрополе или агоре греческого полиса (исходя из идеи Кузнецова), камень с надписью, по всей вероятности, был бы оформлен иначе, да и буквы надписи вряд ли были бы столь крупными.

Предложенная нами трактовка заставляет подробнее рассмотреть версию, где причиной появления камня на Боспоре Киммерийском (упомянутой, но отвергаемой Кузнецовым) является «транспортировка надписи или ее обломка из одного из ионийских городов»⁶³. Разумеется, в выдвигаемом нами предположении необходимо учитывать корректировку провенанса камня: если считать фанагорийский камень обломком монументальных сооружений Дария на Боспоре Фракийском, окажется значительно короче как в географическом, так и в чисто логическом отношении невероятная, на взгляд Кузнецова, «целая цепь случайностей», с помощью которой можно было бы попытаться аргументировать «версию балласта» на пути из Ионии на Боспор Киммерийский⁶⁴. В нашей же интерпретации ситуация меняется: от Боспора Фракийского до Фанагории путь не такой уж и дальний. Нет, в принципе, ничего невероятного в том, что какая-то часть мраморного блока, оказавшаяся в Византии после демонтажа Дариевых стел в 512 г. до н.э., была потом (сразу или несколько позже) вывезена кем-то из оказавшихся в этом городе по торговым или иным делам фанагорийцев⁶⁵, а может быть,

⁶² Kuznetsov 2018, 160—161. Исследователь полагает, что в использовании камня «не было необходимости», но скорее у граждан просто отсутствовали объективные возможности для этого.

⁶³ Kuznetsov 2018, 160.

⁶⁴ Kuznetsov 2018, 161. Эпиграфистам, разумеется, давно известен феномен «странствующих камней». Его внимательно и, как всегда, блестяще рассмотрел Л. Робер (Robert 1932; 1939; 1966; 1973). Траектории их перемещения порой бывают весьма протяженными и сложными.

⁶⁵ Хотя никаких конкретных данных о пребывании боспорян в Византии нет, едва ли стоит сомневаться в том, что таковое наверняка должно было иметь место. Обратная связь: византиец Тисий, сын Делоптиха, сделал посвящение Афродите за брата Фрасибула в Пантикапее в кон. IV — нач. III в. до н.э. (КБН 17).

и уроженцем другого полиса, отправившимся в Северное Причерноморье. Для чего? Вряд ли она была предназначена для сооружения в Фанагории некоей культовой конструкции, подобной алтарю Артемиды Ортосии в Византии или его округе: фанагорийский камень явно не был обработан так, чтобы его можно было использовать для подобной цели, да и его размеры и форма для этого, пожалуй, не очень подходят. В сгоревшем доме камень лежал лицом вниз: содержание варварской надписи обитателей этого жилища, судя по всему, уже нисколько не интересовало.

Тем не менее не хочется отказываться и от достаточно романтической версии, категорически настаивать на надежности которой мы, разумеется, не решимся. Фанагория, как известно, была колонией малоазиатского Теоса. Его граждане покинули родной город во время осады полководцем Кира Гарпагом, чтобы не попасть в рабство после неизбежного подчинения персам, и переселились в Абдеры на фракийском побережье Эгеиды в 546 г. до н.э. (Hdt. I. 168; Strab. XIV. 1. 30)⁶⁶. Об основании Фанагории теосцами недвусмысленно сообщают Псевдо-Арриан (*Per.* 47) и Псевдо-Скимн (886–887). Особенно выразительно характеризует причину, вынудившую теосцев искать убежище во вновь основанном полисе на Боспоре Киммерийском, Арриан Флавий: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежавший от надменности персов» (φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν — Bithyn. F 55 Roos = Eustath. ad Dion. Perieg. GGM. II. 549, p. 324. 36–41)⁶⁷. Независимо от того, справедливы ли интересные выводы В.Д. Кузнецова относительно выведения апойкии в Понт не из Теоса непосредственно, а из Абдеры — теосцами, еще не утратившими своего прежнего полисонима⁶⁸, мотив (героического) бегства от персов с целью сохранения свободы должен был восприниматься фанагорийцами как вполне актуальный и на момент завершения скифского похода персов. В 512 г. до н.э. в городе еще наверняка жили многие представители первого поколения колонистов; уже родились и выросли их дети — но память о драматических событиях, связанных с потерей родины и обретением новой, была, вероятно, вполне свежа⁶⁹. Понятно, что крах

⁶⁶ См. об этих событиях: Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 188–189. Аутопсия развалин Теоса, проведенная О.Л. Габелко в мае 2018 г., убеждает: этот город, довольно большой по площади и расположенный фактически на равнине, его защитникам перед лицом многократно превосходящих сил противника удержать было абсолютно невозможно.

⁶⁷ Страбон (XIV. 1. 30) очень похоже описывает и удаление теосцев в Абдеру.

⁶⁸ Kuznetsov 2001, 228; 2000–2001, 70; в дальнейшем исследователь уточнил возможную дату выведения апойкии на Боспор абдеритами примерно 540 г. до н.э. (Kuznetsov 2010, 314). Пожалуй, предлагаемая нами интерпретация надписи несколько снижает вероятность этой версии, хотя ни в коей мере не отменяет ее целиком. Действительно, как будет показано далее, психологический эффект от появления фрагмента надписи в Фанагории был бы более ощутимым, если ее гражданам-первопоселенцам пришлось бежать от персов лично.

⁶⁹ В этом контексте следует коснуться взаимоотношений с персами и граждан Абдер (см. специально Isaacs 1986, 89–90). Известно, что при Ксерксе они стали практически «идеальными» (Hdt. VIII. 120). Важным этапом в их нормализации стало возвращение части абдеритов в Теос (Strab. XIV. 1. 30), но когда именно оно состоялось, не вполне ясно. Кузнецов уверенно относит это событие к какому-то моменту уже вскоре после захвата Теоса Гарпагом (Kuznetsov 2001, 232; 2010, 314), однако А.Дж. Грэхем, куда более детально рассмотревший этот вопрос (Graham

европейской кампании Дария должен был быть воспринят боспорскими греками, равно как и многими другими эллинами — разумеется, в первую очередь теми, кого эти события затронули непосредственно (византийцами, калхедонянами и гражданами полисов Пропонтиды) — если не как эпикальное, то по меньшей мере очень важное событие, ознаменовавшее, как тогда могло показаться, крушение ахеменидских притязаний на Европу да и, пожалуй, в целом на господство над греческим миром. Никто, конечно же, в тот момент не мог представить, что впереди будут великие и драматические события: Ионийское восстание, Марафон, вторжение полчищ Ксеркса в Элладу, Фермопилы, Саламин, Платеи и Микале, последующие десятилетия напряженнейшего военного и дипломатического противостояния...

Подчеркнув еще раз тот факт, что разрушение эллинами воздвигнутых по приказу Дария сооружений имело ярко выраженный символический характер (как и их установка!), можно предположить, что остатки персидских монументов, вероятно, просто были «расташены на сувениры»⁷⁰, воспринимавшиеся фактически в качестве трофеев теми из эллинов, кому они достались (возможно, непосредственно при разрушении стел на том самом месте, где они были воздвигнуты). Если же вспомнить, что, согласно Геродоту, обломок персидской надписи пребывал в Византии где-то у храма Диониса, то станет очевидным и существование определенного политико-религиозного контекста деяний, связанных с разрушением Дариевых сооружений, в том числе и воздаяние за ту же самую τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν — хотя здесь, видимо, и не приходится говорить о настоящем посвящении в храм. В этой связи сразу приходит на память описанное все тем же Геродотом (IX. 121) посвящение в греческие храмы части конструкций разрушенного моста Ксеркса через Геллеспонт⁷¹, ознаменовавшее, с точки зрения эллинов, окончание агрессивной со стороны персов стадии Греко-персидских войн. Если допустить, что фрагмент персидской надписи с европейского берега Боспора Фракийского примерно в таком качестве оказался на Боспоре Киммерийском, становится понятными его появление именно в Фанагории, граждане которой имели личные счета с персами⁷²: он, будучи привезен кем-то из граждан, мог находиться в течение некоторого времени не только в каком-либо храме (или около него, как в Византии), но и в других местах (общественное здание, частный дом и т.п.). Не исключено, что камень просто передавался от поколения к поколению как своего рода семейная

1991), приводит как равно вероятный и другой вариант: после Ионийского восстания. Исходя из общих соображений, вторая возможность кажется нам более вероятной: едва ли у теосцев/абдеритов оказалась столь короткая память, что они так быстро и радикально изменили свое отношение к персам.

⁷⁰ Не исключено, что подобным же образом поступили граждане Калхедона с обломками алтаря Зевса Диабатерия. Необходимо учитывать в этом случае любовь греков ко всякого рода экзотическим диковинкам, в особенности восточного происхождения, о чем специально см. Sinitsyn 2015, 187–192 с обширной литературой.

⁷¹ См. об этом новую глубокую и содержательную статью Sinitsyn 2017.

⁷² Особенно в свете усиливающихся персидских притязаний на контроль над Боспором, показателем которых может отчасти служить экспедиция каппадокийского сатрапа Ариарамна в Северное Причерноморье (Ctes. *FGrHist* 688. F. 13. 20). Этот сюжет, разумеется, требует специального рассмотрения, выходящего за рамки данной работы.

реликвия — хотя, судя по контексту обнаружения, с течением времени его символическое значение вполне могло сойти на нет.

Таким образом, подробное рассмотрение вопросов, связанных с созданием и разрушением персидских монументов на Боспоре Фракийском, проясняет немало интересных нюансов в греко-персидских взаимоотношениях в конце VI в. до н.э. В то же время для выявления каких-либо деталей истории эллинского Северного Причерноморья фанагорийская надпись, к сожалению, оказывается существенно менее информативной: она может свидетельствовать, пожалуй, только о наличии определенного морального противостояния боспорских греков (или какой-то их части) имперским амбициям Ахеменидов.

Литература / References

- Abaev, V.I. 1950: [Translation of the Behistun inscription]. In: V.V. Struve (ed.), *Khrestomatiya po istorii drevnego mira*. T. 1 [Anthology of the Ancient World. Vol. 1]. Moscow, 255–263.
- Абаев, В.И. Перевод Бехистунской надписи. В кн.: В.В. Струве (ред.), *Хрестоматия по истории древнего мира*. Т. 1. М., 255–263.
- Abaev, V.I. 1980: [Translation of the Behistun inscription]. In: M.A. Korostovtsev et al. (eds.), *Khrestomatiya po istorii drevnego mira*. T. 2 [Anthology of the Ancient World. Vol. 2]. Moscow, 24–32.
- Абаев, В.И. Перевод Бехистунской надписи. В кн.: М.А. Коростовцев и др. (ред.), *Хрестоматия по истории древнего мира*. Т. 2. М., 24–32.
- Abdi, K. 2006–2007: The ‘Daivā’ inscription revisited. *Nāme-ye Irān-e Bāstān: The International Journal of Ancient Iranian Studies* 6, 1–2, 45–74.
- Archibald, Z.H. 1998: *The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked*. Oxford.
- Asheri, D., Lloyd, A.B., Corcella, A. 2007: *A Commentary on Herodotus. Books I–IV*. Oxford.
- Balcer, J.M. 1972: The date of Herodotus IV.1 Darius’ Scythian expedition. *Harvard Studies in Classical Philology* 76, 99–132.
- Belfiore, S. 2009: *Il Periplo del Ponto Eusino di Arriano e altri testi sul Mar Nero e il Bosforo. Spazio geografico, mito e dominio ai confini dell'impero Romano*. Introduzione, traduzione e note a cura di Stefano Belfiore. Venezia.
- Berndt-Ersöz, S. 2006: *Phrygian Rock-Cut Shrines. Structure, Function, and Cult Practices*. Leiden–Boston.
- Bichler, R. 2004: Ktesias „korrigiert“ Herodot. Zur literarischen Einschätzung der Persika. In: H. Heftner, K. Tomaschitz (eds.), *Festschrift für Gerhard Dobesch zum fünfundsechzigsten Geburtstag am 15. September 2004*. Wien, 105–116.
- Bichler, R., Rollinger, R. 2017: Universale Weltherrschaft und die Monumente an ihren Grenzen. In: R. Rollinger (ed.), *Die Sicht auf die Welt zwischen Ost und West (750 v. Chr. — 550 n. Chr.) — Looking at the World, from the East and the West (750 BCE — 550 CE)*. Wiesbaden, 1–30.
- Boteva, D. 2011: Re-reading Herodotus on the Persian campaigns in Thrace. In: R. Rollinger, B. Truschneegg, R. Bichler (eds.), *Herodot und das Persische Weltreich — Herodotus and the Persian Empire. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema “Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen” Innsbruck, 24. — 28. November 2008*. Wiesbaden, 735–759.
- Briant, P. 2001: La lettre de Darius à Gadatas entre Perses, Grecs et Romains. In: M. Giorgieri et al. (eds.), *Licia e Lidia prima dell'ellenizzazione. Atti del Convegno internazionale. Roma 11–12 ottobre 1999*. Roma, 107–144.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Canepa, M.P. 2015: Inscriptions, royal spaces and Iranian identity: Epigraphic practices in Persia and the ancient Iranian world. In: A. Eastmond (ed.), *Viewing Inscriptions in the Late Antique and Medieval World*. Cambridge, 10–35.
- Chernenko, E.V. 1984: *Skifo-persidskaya voyna [Scytho-Persian War]*. Kiev.
- Черненко, Е.В. *Скифо-персидская война*. Киев.

- Chunakova, O.M. 2004: *Pekhleviyskiy slovar' zoroastriyskikh terminov, mificheskikh personazhey i mifologicheskikh simvolov* [The Pehlevi Dictionary of the Zoroastrian Terms, Mythical Characters and Mythological Symbols]. Moscow.
- Чунакова, О.М. *Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов*. М.
- Dan, A. 2011: L'Istros chez Hérodote. *Dacia* 55, 25–56.
- Dan, A. 2015: Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi. *Ancient West & East* 14, 191–235.
- Dandamayev, M.A. 1963: *Iran pri pervykh Akhemenidakh* [Iran under the First Achaemenids]. Moscow.
- Дандамаев, М.А. *Иран при первых Ахеменидах*. М.
- Dandamayev, M.A. 2002: [Translation of the Behistun inscription]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriya Drevnego Vostoka: Teksty i dokumenty*. [History of Ancient East: Texts and Documents]. Moscow, 390–397.
- Дандамаев, М.А. Перевод Бехистунской надписи. В кн.: В.И. Кузищин (ред.), *История Древнего Востока: Тексты и документы*. М., 390–397.
- Fol, A., Hammond, N.G.L. 2008: Persia in Europe, apart from Greece. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond, D.M. Lewis, M. Ostwald (eds.), *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV. *Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C.* Cambridge, 234–253.
- Gillis, D. 1979: *Collaboration with the Persians*. Wiesbaden.
- Graham, A.J. 1992: Abdera and Teos. *Journal of Hellenic Studies* 112, 44–73.
- Green, J., Stolper, M. 2015: Achaemenet project. In: G.J. Stein (ed.), *The Oriental Institute 2014–2015 Annual Report*. Chicago, 11–15.
- Hammond, N.G.L. 2008: The expedition of Xerxes. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond, D.M. Lewis, M. Ostwald (eds.), *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV. *Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C.* Cambridge, 518–591.
- Harmatta, J. 1954: A recently discovered Old Persian inscription. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 11, 1–14.
- How, W.W., Wells, J. 1912: *A Commentary on Herodotus*. I–II. Oxford.
- Huff, D., Kleiss, W. 1989: Bridges. In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. IV, fasc. 5, 449–455 (<http://www.iranicaonline.org/articles/bridges>).
- Isaac, B. 1986: *The Greek Settlements in Thrace Until the Macedonian Conquest*. Leiden.
- Jochmus, A. 1854: Notes on a journey into the Balkan, or Mount Hæmus, in 1847. *Journal of the Royal Geographical Society of London* 24, 36–85.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- King, L.W., Thompson, R.C. 1907: *The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistûn in Persia*. London.
- Knauf, F.S., Gagošidse, I., Babaev, I. 2013: Karačamirli. Ein persisches Paradies. *ARTA: Achaemenid Research on Texts and Archaeology*, no. 004. (Septembre 2013), 1–28 (URL: http://www.achemenet.com/document/ARTA_2013.004-Knauss-Gagosidse-Babaev.pdf; дата обращения: 5.11.2018)
- Kuznetsov, V.D. 2001: [The Metropolis of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [The Antiquities of Bosporus] 4, 227–235.
- Кузнецов, В.Д. Метрополия Фанагории. *Древности Боспора* 4, 227–235.
- Kuznetsov, V.D. 2000–2001: Phanagoria and its Metropolis. *Talanta* 32–33, 67–77.
- Kuznetsov, V.D. 2010: [On time of foundation of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [The Antiquities of Bosporus] 14, 313–321.
- Кузнецов, В.Д. О времени основания Фанагории. *Древности Боспора* 14, 313–321.
- Kuznetsov, V.D. 2018: [Bosporus Cimmerian in the 5th c. B.C. (Old-Persian inscription from Phanagoria)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. T. 6 [Phanagoria. Results of Archeological Studies. Vol. 6]. Moscow, 160–185.
- Кузнецов, В.Д. Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 6. М., 160–185.
- Kuznetsov, V.D., Nikitin, A.B. 2018: [Old-Persian inscription from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. T. 6 [Phanagoria. Results of Archeological Studies. Vol. 6]. Moscow, 154–159.
- Кузнецов, В.Д., Никитин, А.Б. 2017: Древнеперсидская надпись из Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 6. М., 154–159.
- Lecoq, P. 1997: *Les inscriptions de la Perse achéménide*. Paris.

- Lenfant, D. 1996: Ctésias et Hérodote ou les réécritures de l'histoire dans la Perse achéménide. *Revue des Études Grecques* 109, 348–380.
- Lewis, D.M. 1977: *Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen*. Leiden.
- Loukopoulou, L.D. 1989: *Contribution à l'histoire de la Thrace Propontique durant la période archaïque*. Athènes.
- Mejer, J. 2009: Artemis in Athens. In: T. Fischer-Hansen, B. Poulsen (eds.), *From Artemis to Diana: The Goddess of Man and Beast*. Copenhagen, 61–78.
- Merle, H. 1916: *Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon*. Kiel.
- Nevskaya, V.P. 1953: *Vizantii v klassicheskuyu i ellinisticheskuyu epokhi* [Byzantium in Classical and Hellenistic Epochs]. Moscow.
- Невская, В.П. *Византий в классическую и эллинистическую эпохи*. М.
- Nichols, A. 2008: *The Fragments of Ctesias of Cnidus: Translation and Commentary with an Introduction*. Diss. University of Florida (URL: <http://ufdc.ufl.edu/UFE0022521/00001>; дата обращения: 5.11.2018).
- Nylander, C. 1968: ΑΣΣΥΡΙΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ: Remarks on the 21 “Letter of Themistokles”. *Opuscula Atheniensia* 8, 19–36.
- Rahe, P.A. 2015: *The Grand Strategy of Classical Sparta: The Persian Challenge*. New Haven–London.
- Robert, L. 1932: Epigraphica. IX. Pierres errantes. *Revue des Études Grecques* 45, 199–203.
- Robert, L. 1939: Hellenica XIV: Pierres errantes. *Revue de Philologie* 65, 181–198.
- Robert, L. 1966: Pierres errantes, muséographie et onomastique. *Berytus* 16, 5–39.
- Robert, L. 1973: De Cilicie à Messine et à Plymouth avec deux inscriptions grecques errantes. *Journal des savants* 3, 162–211.
- Rollinger, R. 2013: *Alexander und die großen Ströme. Die Flussüberquerungen im Lichte altorientalischer Pioniertechniken*. Wiesbaden.
- Rung, E.V. 2015: [The Imperial idea in the state of the Achaemenids]. *Problemy istorii, filologii, kultura* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 130–140.
- Рунг, Э.В. Имперская идея в государстве Ахеменидов. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 130–140.
- Rung, E.V., Chiglintsev, E.A. 2017: [Darius versus Xerxes. The images of Darius I and Xerxes in Old-Persian texts and in the works of Aeschylus and Herodotus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/1, 696–719.
- Рунг, Э.В., Чиглинец, Е.А. Darius versus Xerxes: Образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских текстах и в произведениях Эсхила и Геродота. *ВДИ* 77/1, 696–719.
- Russell, T. 2017: *Byzantium and the Bosphorus. A Historical Study, from the Seventh Century BC Until the Foundation of Constantinople*. Oxford.
- Rybakov, V.A. 1979: *Gerodotova Skifiya* [Herodotus' Scythia]. Moscow.
- Рыбаков, В.А. *Геродотова Скифия*. М.
- Schmitt, R. 1988: Achaimenideninschriften in griechischer literarischer Überlieferung. In: A.G. Leaf (ed.), *Acta Iranica. Encyclopédie permanente des études iraniennes*. Leiden, 17–38.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old-Persian Text*. London.
- Schmitt, R. 1992: Assyria Grammata und ähnliche: Was wussten die Griechen von Keilschrift und Keilschriften? In: C.W. Müller et al. (eds.), *Zum Umgang mit fremden Sprachen in der griechisch-römischen Antike: Kolloquium der Fachrichtungen Klassische Philologie der Universitäten Leipzig und Saarbrücken am 21. und 22. November 1989 in Saarbrücken*. (Palingenesia, 36). Stuttgart, 21–35.
- Schmitt, R. 2000: *The Old Persian Inscriptions of Naqshi-Rustam and Persepolis*. London.
- Schmitt, R. 2007: *Pseudo-Altperische Inschriften: Inschriftenfälschungen und moderne Nachbildungen in altpersischer Keilschrift*. Wien.
- Schmitt, R. 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Sinityn, A.A. 2015: [The Greeks and the monsters: On classical mythology as an amusing ethnic geography (Essay about travels and discoveries)]. *Bosposkiye issledovaniya* [Bosporan Studies] 31, 186–213.
- Синицын, А.А. Греки и монстры: об античной мифологии как занимательной этногеографии (эскиз на тему путешествий и открытий). *Боспорские исследования* 31, 186–231.

- Sinit syn, A.A. 2017: [Ropes and bridges of the Persian War]. In: O.L. Gabelko *et al.* (eds.), *IRANICA: Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. — VI v.n.e.* [Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century B.C. to the Sixth Century A.D.]. Kazan, 137–171.
- Синицын, А.А. Канаты и мосты Греко-персидской войны. В кн.: О.Л. Габелко и др. (ред.), *IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. — VI в.н.э.* Казань, 137–171.
- Schönert-Geiss, E. 1970: *Griechische Münzwerk. Die Münzprägung von Byzantion*. Т. 1. Berlin.
- Stronk, J.P. 1998–1999: Crossing the Straits: The Persians in Thrace. *Talanta* 30–31, 55–72.
- Struve, V.V. 1946: [The expedition of Darius I against the Saka and the Massagetae]. *Izvestiya Akademii Nauk*. Т. III, 3 [Bulletin of the Academy of Sciences. Vol. III, Issue 3], 231–250.
- Струве, В.В. Поход Дария I на саков-массагетов. *Известия Академии наук*. Т. III, 3, 231–250.
- Tudor, D.-R., Surd, V. 2015: History and tourist valorization of the Ruschița Marble Quarry (Caraș-Severin County, Romania). *Studia Universitatis Babeș-Bolyai Geographia* 60, 2, 97–122.
- Tuplin, C.J. 2009: The Gadatas letter. In: L.G. Mitchell, L. Rubinstein (eds.), *Greek History and Epigraphy: Essays in Honor of P.J. Rhodes*. Swansea, 155–184.
- Tuplin, C.R. 2010: Revisiting Dareios' Scythian expedition. In: J. Nieling, E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Power*. (Black Sea Studies, 11). Aarhus, 281–312.
- Turayev, B.A. 1911: [Scythia in a hieroglyphic inscription]. In: *Sergeyu Fedorovichu Platonovy ucheniki, druž'ya i pochitateli* [Students, Friends and Admirers to Sergey F. Platonov]. Saint Petersburg, 358–365.
- Тураев, Б.А. 1911: Скифия в иероглифической надписи. В сб.: *Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели*. СПб., 358–365.
- Unger, E. 1915: Die Dariusstele am Tearos. *Archäologischer Anzeiger* 30, 3–16.
- Vallat, F. 1971: Deux nouvelles chartes de fondation d'un palais de Darius 1er à Suse. *Syria. Archéologie, art et histoire* Т. 48, fasc. 1–2, 53–59.
- Vasilescu, M. 2007: Études sur la crédibilité d'Hérodote III. Les stèles de Darius de Thrace. *Arheologia Moldovei* 30, 117–127.
- Vasilev, M.I. 2015: *The Policy of Darius and Xerxes Towards Thrace and Macedonia*. Leiden.
- Vassileva, M. 2009: Phrygian rock-cut thrones, 'idols' and Phrygian royal symbolism. *Thracia* 13, 111–124.
- West, S. 1985: Herodotus' epigraphical interests. *Classical Quarterly* 35, 278–305.
- Yavis, C.G. 1949: *Greek Altars. Origins and Typology*. Saint Louis.